

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

С. И. Федоров¹

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

УДК: 338.2

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-58-5-5

ГАРАНТИИ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ КАК ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ: ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Экономическая конкуренция по определению подразумевает наличие выбора между конкурирующими альтернативами. Но всегда ли экономические агенты могут защитить свои правомочия для совершения этого выбора? Чтобы права собственности были защищены, у них должен быть гарант, который налагает санкции на нарушителя. Однако гарант должен быть способным применять насилие, поскольку наложение санкций чаще всего не является добровольным. В настоящей работе показано, что неравномерное распределение насилия в обществе, которое не монополизировано одним центром принятия решений и (или) применяется вне принципа верховенства права, препятствует экономической конкуренции. В такой ситуации, т.е. в социальном порядке ограниченного доступа, часть правомочий остается не защищена, что препятствует реализации предпринимателем своей функции. Причиной такого эффекта является стремление элитной группы сохранить статус-кво в распределении рент: избежать изменений в ходе рыночного процесса, которые могут привести к нарушению политического баланса. В данном исследовании высказанные тезисы подтверждены на микроданных обследования промышленных предприятий BEEPS от Европейского банка реконструкции и развития с помощью тестирования гипотез с применением моделей стохастического фронта (SFA) и моделей дискретного выбора. Эмпирический анализ позволил определить, что в порядках ограниченного доступа препятствием для участия в экономической конкуренции является слабая защищенность прав собственности — она вынуждает фирмы конкурировать за ограниченные ресурсы не удовлетворением потребностей потребителей, а следованием интересам гаранта прав собственности. Результаты исследования могут быть полезны при разработке мер конкурентной политики и объяснении феномена «регуляторного крена» в антимонопольной политике развивающихся стран.

Ключевые слова: экономическая конкуренция, социальный порядок, теория прав собственности, стохастический фронт, модели дискретного выбора.

Цитировать статью: Федоров, С. И. (2023). Гарантии прав собственности как предварительные условия для экономической конкуренции: эмпирическое исследование. *Вестн.*

¹ Федоров Сергей Игоревич — аспирант, ассистент, Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: fedoroffsi@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-2155-9837.

© Федоров Сергей Игоревич, 2023

S. I. Fedorov

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

JEL: L50, L51, L40

PROPERTY RIGHTS GUARANTEES AS PREREQUISITES FOR ECONOMIC COMPETITION: AN EMPIRICAL STUDY

Economic competition by definition implies a choice between competing alternatives. But can economic agents always protect their rights to make this choice? In order to protect property rights, they should have a guarantor who imposes sanctions on the violator. However, the guarantor must be able to use violence, since the imposition of sanctions is often not voluntary. This paper shows that the uneven distribution of violence in society, which is not monopolized by one decision-making center and/or applied outside the rule of law, hinders economic competition. In such a situation, i.e. in a limited access social order, part of property rights remains unprotected, which prevents the entrepreneur from performing his/her function. The reason for this effect is the desire of the elite to maintain the status quo in distribution of rents: they try to avoid changes caused by the market process that may lead to a violation of existing political balance. In this study, the stated theses are confirmed on microdata of the BEEPS industrial enterprises survey by the European Bank for Reconstruction and Development — we test the hypotheses using stochastic frontier analysis (SFA) and discrete choice models. Empirical analysis allows us to argue that in the limited access order, the obstacle to participation in economic competition is a weak property rights protection — it forces firms to compete for limited resources not by satisfying the needs of consumers, but by following the interests of the property rights guarantor. The results of the study can be useful in developing competition policy measures and explaining the phenomenon of «regulatory bias» in antitrust policy of developing countries.

Keywords: economic competition, social order, property rights theory, stochastic frontier analysis, discrete choice.

To cite this document: Fedorov, S. I. (2023). Property rights guarantees as prerequisites for economic competition: an empirical study. *Lomonosov Economics Journal*, 58(5), 90–115. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-5-5>.

Введение

Исследования, посвященные проблеме защиты прав собственности, чаще всего направлены на определение каналов или оценку влияния защиты прав собственности на различные экономические показатели — наиболее очевидным (и потому популярным) показателем в этом отноше-

нии является уровень инвестиций¹ (см., например (Besley, 1995)). Обычно данное влияние объясняется тем, что инвестор не станет авансировать капитал при таких «правилах игры», при которых авансированные средства не защищены от риска конфискации. Однако видится, что это объяснение несколько более универсально и относится не только к динамике одного из экономических показателей.

Инвестиции и их объем интересны не сами по себе, а с той точки зрения, как дальнейшее увеличение потребления, обеспеченное инвестиционными затратами, удовлетворяет потребности индивидов. В статической ситуации² наиболее эффективное вложение инвестиционных ресурсов с неоклассической точки зрения соответствует аллокативной и производственной эффективности, достигаемой при конкурентной ситуации на рынке³ (Arrow, Debreu, 1954). С точки зрения динамики экономическая система эффективна, когда в ее рамках осуществляется поиск новых ресурсов или новых способов использования старых ресурсов в рамках процесса экономической конкуренции (Найек, 1968).

Заметно, что в обоих перечисленных случаях эффективность напрямую связана с конкурентностью, и это неудивительно. Конкурентность подразумевает наличие альтернатив, из которых индивиды выбирают наиболее эффективные варианты для удовлетворения потребностей⁴. Эти альтернативы, в свою очередь, предлагаются игроками на рынке, пытающимися победить в конкурентной борьбе. Но какой смысл инвестировать ресурсы и усилия в создание тех альтернатив, правомочия на которые не защищены, и в любой момент времени могут быть конфискованы? Как минимум, это искажает стимулы, заставляя инвестировать ресурсы не в самые эффективные направления их использования; как максимум — препятствует процессу динамического отбора наиболее эффективных способов хозяйствования. По этой причине защита прав собственности в теории должна оказывать влияние не только (и не столько) на показатели, явля-

¹ Например, по состоянию на март 2023 г. в цифровой базе JSTOR содержатся около 63 тыс. научных публикаций в рецензируемых журналах, так или иначе посвященных влиянию защиты прав собственности на динамику инвестиций на микро- или макроуровне (из 465 тыс. публикаций, в которых хотя бы затрагивается тема прав собственности).

² Следуя за традицией, заложенной Дж. Б. Кларком в его работе 1907 г. «Основы экономической теории» (Clark, 2007), разделим экономическую статику и динамику на две различные категории, чтобы охватить и статическую, и динамическую трактовку экономической эффективности.

³ В данной формулировке для простоты мы абстрагируемся от проблем «провалов рынка» и транзакционных издержек.

⁴ Это не всегда так. Например, проблема асимметрии информации (Akerlof, 1970), как и проблема наличия транзакционных издержек (Coase, 1960; Stigler, 1966), обуславливают возможность отдельных когнитивных ошибок. Однако это обстоятельство не отменяет тот факт, что именно конкурентный механизм при определенных условиях позволяет сравнивать альтернативы и выявлять наиболее подходящие.

ющиеся результатом принятия индивидами решений, сколько на сам процесс принятия решений (в том числе на экономическую конкуренцию).

Права собственности как любой институт требуют наличия гаранта, способного вводить санкции за несоблюдение «правил игры». Санкция, в свою очередь, будучи чаще всего недобровольной трансакцией, почти¹ всегда означает насилие как физическое ограничение спектра доступных индивидам возможностей. И от того, как устроено общество с точки зрения применения в нем насилия («социальный порядок» по (North et al., 2009)), во многом зависит защита прав собственности, а значит, и процесс экономической конкуренции. В предыдущей работе (Федоров, 2023) было показано влияние социального порядка на установление механизмов управления трансакциями. В статье мы попытаемся рассмотреть ситуацию, при которой социальный порядок оказывает влияние не на выбор механизмов управления трансакциями, а на то, с чем осуществляются трансакции — на права собственности.

Дальнейшее изложение построено следующим образом. Сначала приводится обзор различных способов общественного устройства с точки зрения распределения в нем потенциала насилия. Далее проводится анализ феномена насилия как инструмента гарантирования прав собственности, в этом разделе идентифицируется связь защиты прав собственности с пороговыми условиями порядка открытого доступа по Д. Норту, Дж. Уоллису и Б. Вайнгасту. На основе проведенного анализа объясняется механизм взаимосвязи экономической конкуренции и распределения потенциала насилия в обществе через призму защиты прав собственности, выдвигаются гипотезы относительно этой взаимосвязи для эмпирического тестирования. В завершение проводится эмпирическое тестирование гипотез на данных ВЕЕРС ЕБРР с помощью построения стохастического фронта и моделей дискретного выбора.

Насилие как фундамент общественной организации

Можно рассматривать экономическую конкуренцию в статическом аспекте, утверждая, что это ситуация, при которой самостоятельные действия каждого из хозяйствующих субъектов в одностороннем порядке не влияют на общие условия обращения товаров на рынке². Или же можно рассматривать экономическую конкуренцию как процесс открытия ранее неизвестного знания (Huerta de Soto, 2008; Kirzner, 1973), при котором выявляются наиболее эффективные решения, позволяющие удовлетво-

¹ Почти — потому что: 1) санкции могут предполагать поощрение; 2) санкции могут налагаться без прямого применения насилия и на добровольной основе (пример: социальный ostracism). Однако когда речь идет о защите формальных титулов собственности, эти виды санкций встречаются реже, чем те виды, которые связаны с применением насилия.

² Пункт 7, ст. 4 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

рить потребности потребителей — в условиях, когда эти решения заранее неизвестны. В любом случае экономическая конкуренция по определению предполагает равные внешние условия для всех участников конкурентной борьбы: в противном случае результаты состязания будут зависеть не только от экономической эффективности игроков, но и от других факторов.

Нас интересует вмешательство фактора применения насилия в конкурентный процесс. Равные условия в экономической конкуренции означают равные возможности обладать правами собственности на экономические активы, с помощью которых достигается победа в конкурентной борьбе. Однако эти права собственности должны гарантироваться: это может происходить с помощью обмена залогов при осуществлении трансакций (Шаститко, 2022)¹, в рамках самостоятельной защиты прав собственности², или централизованно, через государственные и квазигосударственные институты³.

Анализируя ситуацию с распределением насилия в обществе, мы говорим о социальном порядке или способе общественной организации (North et al., 2009). От социального порядка зависит и сам процесс экономической конкуренции: ведь если защита прав собственности не будет обеспечена либо будет обеспечена только для части игроков, то это может исказить их стимулы и результаты соперничества за ограниченные ресурсы. Экономическая конкуренция начнет смешиваться с конкуренцией политической (за обладание потенциалом насилия), а наиболее успешными в ней окажутся не те, кто находит наиболее эффективные способы удовлетворения потребностей потребителей, но те, кто умело решил проблему защиты своих прав собственности.

В российской научной литературе исследователи уже обращали внимание на данную проблему в рамках концепции «власти-собственности» (Васильев, 2000; Плискевич, 2008; Нуреев, Латов, 2010 и др.), указывая на сращивание политической и экономической власти⁴. Однако данная

¹ В этом случае насилие как физическое ограничение спектра доступных индивиду возможностей можно рассматривать как физическое ограничение реализации правомочий на заложенные активы.

² Возможности такого механизма защиты прав собственности продемонстрированы историей США — широко известно выражение «Авраам Линкольн дал людям свободу, а Кольт уравнил их шансы» (С. Кольт — изобретатель капсульного револьвера. — *Прим. авт.*).

³ А в отдельных случаях — международные.

⁴ То есть рыночной властью. Важно различие между политической и экономической властью: политическая власть подразумевает насилие, экономическая — положение на рынке, достигнутое без физического ограничения поведения потребителя. Различия между политической властью и экономической («капиталистической») исследовал Ф. фон Визер в работах «Теория общественного хозяйства» (1914 г.) и «Закон власти» (1926 г.): в качестве источника экономической власти он обозначил редкость ресурсов.

концепция не позволяет вскрыть «черный ящик» взаимосвязи между насилием и гарантированием прав собственности.

Проблема также широко обсуждается в рамках неоавстрийской исследовательской традиции (Баженов, 2015), однако ее взгляд, основанный на принципе невмешательства государства в экономику, является односторонним. Одни неоавстрийцы предполагают анархию, другие — минархию¹ как единственно возможные способы организации насилия в обществе, совместимые с экономической конкуренцией. Это объясняется «потребительским суверенитетом»: потребители обладают единственно верным знанием о полезности активов, и потому любое вмешательство государства в права собственности, обязательно предполагающее насилие, имеет негативные последствия. С другой стороны, неоавстрийцы, руководствуясь нормативным, а не позитивным подходом, не объясняют, почему обладающие «потребительским суверенитетом» индивиды на протяжении тысяч лет не отказались от такой «неэффективной» организации, как государство. Значит, либо индивиды обладают ограниченной рациональностью (из-за трансакционных издержек), либо государство не является априори неэффективной организацией (либо имеет место и то, и другое). Поэтому прибегнем к позитивному анализу реально существующих экономических процессов в контексте проблемы распределения в обществе потенциала насилия и влияния этого распределения на экономическую конкуренцию.

Насилие — это физическое ограничение спектра возможностей, доступных индивидам (Шаститко, 2010). Следует отметить, что насилие является фактором общественной жизни не только при его применении, но и при угрозе его применения, т.е. при наличии потенциала насилия. Потенциал насилия, в свою очередь, — это средства осуществления насилия, которыми в широком смысле в зависимости от контекста могут являться: властные полномочия, политическая поддержка со стороны электората, пропаганда в СМИ, оружие и т.д. Потенциал насилия вместе с тем не означает, что тот, кто им обладает, умеет им пользоваться — технологии применения насилия разными индивидами могут существенно различаться, и кто-то может задействовать свой сравнительно меньший потенциал с относительно большей эффективностью.

Д. Норт, Дж. Уоллис и Б. Вайнгаст в своем исследовании (North et al., 2009) классифицируют социальные порядки на порядки ограниченного доступа («естественные государства») и порядки открытого доступа. Однако государство — это не единственная форма организации насилия в обществе, а лишь частный случай. Поэтому, с нашей точки зрения, логичнее начать анализ с ситуации анархии, а уже затем перейти к тем ситуациям,

¹ Минархия — политический режим, при котором функции государства ограничены защитой прав собственности любых индивидов, находящихся на его территории, от любых «внутренних и внешних агрессоров».

при которых насилие распределено менее равномерно и начинает концентрироваться в руках отдельных индивидов (табл. 1).

Таблица 1

**Способы общественной организации
с точки зрения распределения насилия**

	Распределение насилия	Близкие концепции
Анархия	Потенциал насилия принадлежит частным лицам и распределен в обществе относительно ¹ равномерно	(Hirshleifer, 1995; Skaperdas, 1992; Grossman, Kim, 1995; Rothbard, 1970 и др.)
Социальный порядок ограниченного доступа ²	Потенциал насилия монополизирован в руках группы индивидов (элитной группы) или сосредоточен в руках конкурирующих элитных групп	(McGuire, Olson, 1996; North et al., 2009; Acemoglu, Robinson, 2012; 2019 и др.)
Социальный порядок открытого доступа	Потенциал насилия монополизирован, но контролируется обществом и применяется на основе принципа верховенства права	(North et al., 2009; Acemoglu, Robinson, 2019), а также фактически любые модели «благожелательной диктатуры» и пр.

Источник: составлено автором.

Анархия как отсутствие монополии на насилие выступает наиболее общей формой общественной организации в том смысле, что все остальные можно рассматривать как ее частные случаи: модель анархии является общим случаем конфликтной ситуации в обществе с ограниченными ресурсами и возможностью применения насилия (Hirshleifer, 1995). В случае анархии потенциал насилия находится в руках частных лиц, которые применяют его для защиты своих прав собственности по собственному усмотрению, взвешивая преимущества и недостатки применения насилия в том или ином случае.

В работе (Hirshleifer, 1995) показано, что анархия является неустойчивой: рост численности индивидов, гетерогенность технологий применения насилия и прочие факторы могут выводить общество из состояния равновесия. Тогда на смену анархии приходит государство, с которым общество

¹ Абсолютно равномерное распределение вряд ли существует в реальности — здесь имеется в виду та степень равномерности, которая не вызывает вывод анархии из равновесия.

² В работе (North et al., 2009) содержится классификация порядков ограниченного доступа на «хрупкие», «базовые» и «зрелые». Различия заключаются лишь в том, в какой степени элита контролирует общество: т.е. какая часть транзакций в обществе подвержена административному контролю со стороны членов элитной группы.

«заключает» общественный договор¹. Фактически никакого заключения договора может не происходить — институт возникает эндогенно в процессе слияния множества планов разных заинтересованных лиц.

Представители неоавстрийской традиции (Rothbard, 1970) рассматривают услуги по применению насилия в качестве обычного товара. Они выдвигают тезис, согласно которому любое применение насилия помимо частного нарушает права собственности и препятствует свободной экономической конкуренции. Так, «институциональные» предприниматели могут предлагать индивидам наиболее эффективные частные способы решения проблемы защиты прав собственности (Kroon, Salerno (eds.), 2022) (охранные предприятия, сигнализации и т.д.). Однако эта позиция не принимает во внимание важное обстоятельство: те, кто эффективен в защите своих прав собственности, необязательно эффективен в удовлетворении потребностей потребителей. Сами же представители австрийской школы приходят к идее о том, что конкуренция с применением насилия не есть экономическая конкуренция (Mises, 1996, p. 274)². Опыт существования несостоявшихся государств вроде Сомали показывает, что конкуренция в способах защиты прав собственности (и их нарушении), может быть, и выявляет наиболее эффективные в этом отношении способы общественной организации, но не выявляет конкурентоспособных производителей товаров и услуг.

Наличие транзакционных издержек открывает возможности для возникновения государства и государственного регулирования как способа снижения транзакционных издержек. Это происходит по той причине, что выявление новых способов использования старых ресурсов и поиск новых ресурсов не всегда выступают более эффективным занятием, чем преодоление проблемы транзакционных издержек. Поэтому в ряде случаев можно пожертвовать динамической эффективностью (адаптивностью типа «А» по О. Уильямсону³) (Williamson, 1991) в одной сфере ради оптимизации транзакционных издержек и открытия возможностей для динамической эффективности в другой сфере. В нашем случае речь идет об установлении монополии на насилие ради того, чтобы выявлять наиболее эффективных собственников, а не тех, кто эффективнее других защищает эту соб-

¹ Общественный договор — это обмен ожиданиями между обществом и государством по поводу прав собственности и свобод (Аузан и др., 2011).

² «...конкуренция — это соревнование между индивидами, которые хотят превзойти друг друга. Нельзя применять к конкуренции термины, присущие войне, междоусобному конфликту, атаке и обороне... Те, кто проигрывает, ... перемещаются на место в социальной системе, более скромное, но и более подходящее для них» (Mises, 1996, p. 274).

³ Адаптивность типа «А» по О. Уильямсону означает способность адаптироваться к новым условиям с помощью поиска новых решений. Она противопоставляется адаптивности типа «С»: в этом случае адаптация происходит путем перераспределения выгод и издержек в старой системе координат.

ственность. Однако проблема заключается в том, что политики бывают оппортунистами и отклоняются от обозначенной цели в своих интересах, что уже было показано на примере механизмов управления транзакциями в статье (Федоров, 2023).

Когда на место анархии приходит государство, насилие в нем может быть организовано как социальный порядок «открытого» или «ограниченного» доступа. Социальный порядок ограниченного доступа (или «естественное государство») (North et al., 2009) представляет собой такой способ общественной организации, при котором потенциал насилия сосредоточен в руках элитной группы. Эта элитная группа делит источники ренты между собой и извлекает их посредством экстрактивных институтов (Acemoglu, Robinson, 2012). Равновесное состояние достигается при условии, если предельное извлечение ренты из контролируемой членом элиты сферы экономической активности пропорционально его возможностям по применению насилия: в противном случае возникает стимул к перераспределению собственности между членами элиты (van Besouw et al., 2016; van Bavel et al., 2017). Частным случаем порядка ограниченного доступа можно считать монополию на насилие в руках одного индивида в модели «оседлого бандита» (McGuire, Olson, 1996).

Только преодолевая три взаимосвязанных пороговых условия, «естественное государство» может перейти в порядок открытого доступа (North et al., 2009):

- монополия на насилие в рамках единого центра принятия решений;
- применение насилия в соответствии с принципом верховенства права;
- существование неперсонифицированных организаций (и, соответственно, широкое распространение неперсонифицированных обменов — поскольку защита прав собственности предоставляется всем вне зависимости от личности контрагентов).

В случае отсутствия монополии на насилие в руках единого центра принятия решений реализация принципа верховенства права может быть затруднена из-за наличия возможности у отдельных групп не исполнять принятые судами решения. Если же этот центр не руководствуется принципом верховенства права, то ничем не отличается от модели «оседлого бандита». Третье пороговое условие, означающее недискриминационную защиту прав собственности, по сути, следует из первых двух условий. Следовательно, пороговые условия являются взаимосвязанными, поэтому для причисления социального порядка к порядку открытого доступа необходимо соблюдение всех трех пороговых условий, что реализовано, например, в эмпирическом исследовании (Андреева и др., 2017).

Итак, общественная организация с точки зрения распределения насилия в обществе делится на применение насилия: 1) в частном порядке (анархия); 2) монополизировавшей его элитой (порядок ограниченного

доступа); или 3) монополий на насилие, следующей принципу верховенства права (порядок открытого доступа). На первый взгляд, экономическая конкуренция соотносится с этими способами общественного устройства следующим образом¹:

- анархия — успех в экономической конкуренции зависит от способности удовлетворять интересы потребителей и защищать свои права собственности в частном порядке;
- порядок ограниченного доступа — успех в экономической конкуренции зависит от способности удовлетворять потребности потребителей и удовлетворять интересы гаранта прав собственности, участника элитной группы;
- порядок открытого доступа — успех в экономической конкуренции зависит только от способности удовлетворять интересы потребителей, поскольку проблема защиты прав собственности является снятой.

Далее проведем более детальный анализ обозначенной связи через призму теории прав собственности.

Насилие как инструмент гарантирования прав собственности

Согласно теореме Коуза (Coase, 1960; Stigler, 1966) в условиях нулевых транзакционных издержек и при наличии спецификации всех прав собственности размещение ресурсов будет оставаться неизменно эффективным вне зависимости от распределения прав собственности². Спецификация прав собственности является затратным процессом, всегда сопряженным с издержками. К этим издержкам относят (Капелюшников, 1990): расходы на содержание судов, арбитража, затраты времени и ресурсов на защиту и восстановление прав собственности, потери от плохой спецификации и ненадежной защиты и т.п.

Как уже говорилось выше, если рассматривать права собственности как «правила игры», то у любого правила должны быть: ситуация, адресат, предписываемое действие, санкция и гарант. Следовательно, спецификация прав собственности сопряжена с определением всех этих элементов. Если же обратить внимание на то, как обеспечивается наличие санкции и гаранта, то по большому счету здесь есть три варианта обеспечения достоверности обязательств: модель «обмена залогами» (Шаститко, 2022), самостоятельная защита прав собственности и привлечение третьей стороны

¹ Понятно, что приводится классификация «идеальных типов». На практике они могут сочетаться, усложняя реальную ситуацию.

² Представители неоавстрийской школы возражают (Kirzner, 1973): даже при нулевых транзакционных издержках остается проблема неопределенности. Поэтому спецификация прав собственности важна не только для статической эффективности, но и для сохранения стимулов участвовать в конкуренции как процессе.

(в формальных институтах гарантом будут выступать правоохранительные органы, в неформальных — любые индивиды, которые считают покушение на чужую собственность «неправильным» действием). В любом случае чаще всего¹ речь идет о насилии, т.е. физическом ограничении реализации другим игроком стратегий — посредством либо физического удержания залога, либо угрозы применения насилия, либо физического принуждения третьей стороной. Таким образом, спецификация и защита прав собственности становятся невозможными без решения проблемы распределения потенциала насилия в обществе. Об этом же говорит обобщенная теорема Коуза, предложенная исландским экономистом Т. Эггертсоном².

Мы выяснили, что насилие чаще всего является необходимым инструментом инфорсментов прав собственности. Если гарант, будь это сам собственник или же третья сторона в виде государственных, квазигосударственных органов либо равнодушных соседей, не обладает потенциалом насилия, то права собственности перестают быть защищенными. Форма собственности перестает совпадать с реальным режимом собственности. Следовательно, права собственности защищены до тех пор, пока их гарант (т.е. лицо, по каким-либо причинам заинтересованное в их инфорсменте и назначенное выполнять эту функцию) обладает достаточным потенциалом насилия. Как мы увидим далее, когда потенциал насилия оказывается на одной из сторон контрактных отношений, то это приводит к размытию или нарушению прав собственности другой стороны.

У описанной ситуации есть и обратная сторона медали. Если обратиться к модели Д. Хиршлейфера (Hirshleifer, 1995), обладание потенциалом насилия не бесплатно и требует инвестиций. Следовательно, потенциал насилия (в виде оружия, коррупционных связей и т.д.) тоже можно рассматривать в качестве актива. Затраты на приобретение данного актива обуславливают наличие проблемы выбора источника ренты, способов и масштабов ее извлечения: этим же определено различие «хрупких», «базовых» и «зрелых» естественных государств (North et al., 2009).

Потенциал насилия как актив³ становится специфическим для экономических агентов (Grossman, Hart, 1986; Hart, Moore, 1990; Hart, 1995): ин-

¹ Как уже было сказано выше, не всегда. Однако когда речь идет о защите формальных титулов собственности, наиболее частым инструментом гарантирования прав собственности становится насилие. Положительные стимулы и добровольное наложение санкций являются здесь скорее исключением, чем правилом. Вместе с тем даже добровольное наложение санкций можно в широком смысле рассматривать как насилие: такие приемы общественного осуждения, как социальный ostracism, также ограничивают индивиду спектр фактически доступных ему стратегий поведения.

² Т. Эггертсон утверждает, что помимо трансакционных издержек и спецификации прав собственности важно распределение политической власти в обществе (Eggertsson, 1990).

³ Например, в модели (Sonin, 2003) инвестиции в потенциал насилия также рассматриваются как актив наряду с инвестициями в производительную деятельность.

дивидам трудно подобрать аналог этого актива, который позволит так же эффективно защищать свои права собственности в существующем социальном порядке. В рамках заключения неполных контрактов конечные права¹ будут принадлежать тому, на чьей стороне больший потенциал насилия. Именно поэтому в «естественных государствах» затруднено существование неперсонифицированных организаций — для защиты прав собственности обязательно нужна личная связь конкретного индивида с гарантом.

Теперь мы вплотную подошли к взаимосвязи концепции «социальных порядков» и теории прав собственности. Мы уже говорили, что социальные порядки ограниченного доступа отличаются от социальных порядков открытого доступа (North et al., 2009):

- консолидированным контролем над насилием;
- верховенством права;
- существованием неперсонифицированных организаций.

Здесь и далее мы покажем, что все три элемента необходимы для инфорсмент прав частной собственности для всех граждан.

Верховенство права предполагает одинаковые стандарты правоприменения ко всем гражданам. Отсутствует множественность стандартов правоприменения, что при прочих равных условиях обеспечивает равенство и состязательность сторон при возникновении споров относительно спецификации и передачи правомочий. В противном случае потенциал насилия, обеспечивающего инфорсмент прав собственности, будет только на стороне индивидов, связанных с элитной группой. В таком случае спецификация и защита прав собственности на активы у остальных индивидов могут быть существенно ограничена, что подрывает их возможности свободно управлять всем пучком правомочий на активы.

Консолидированный контроль над насилием является еще одной важной составляющей, обеспечивающей инфорсмент прав собственности. Даже если в государстве существует верховенство права и свободно (в рамках закона) действуют неперсонифицированные организации, отсутствие консолидированного контроля над насилием подвергает риску права собственности. В любой момент времени конфликт между индивидами, обладающими потенциалом насилия, может привести к лишению гарантий прав собственности для части или всего общества индивидов. Пример: активная деятельность организованной преступности в России 1990-х гг., во многом обусловленная слабым потенциалом применения централизованного насилия со стороны правоохранительных органов на тот момент.

Существование неперсонифицированных организаций фактически предполагает, что кроме членов элитной группы существуют индивиды, спо-

¹ Правомочия, не специфицированные в контракте (поэтому контракт «неполный») и остающиеся под контролем одной из сторон контракта.

способные приобретать права собственности на фирму, т.е. контролировать конечные правомочия или владеть фирмами (Grossman, Hart, 1986; Hart, Moore, 1990; Hart, 1995). В противном случае конечные правомочия закрепляются за индивидами только в «разрешительном порядке», и формальное закрепление прав собственности за индивидом не означает, что индивид реально контролирует их. В таком случае существование фирм, помимо тех, что связаны с элитной группой, затруднено, тем более затруднена их свободная конкуренция с фирмами, защищаемыми элитной группой.

Конкуренция в статике и динамике в различных социальных порядках

Ранее мы определили, что распределение насилия в обществе влияет на защиту прав собственности. В связи с этим мы предполагаем, что различное распределение потенциала насилия в обществе будет оказывать влияние и на экономическую конкуренцию¹ (рис. 1).

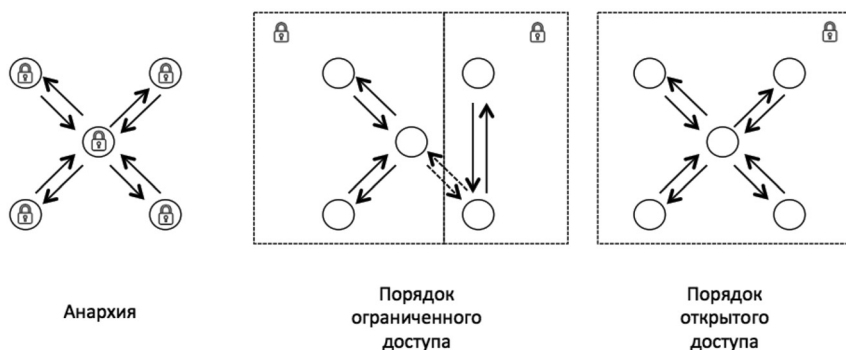

Рис. 1. Транзакции и защита прав собственности в различных социальных порядках
Источник: составлено автором.

Так как мы говорим о процессе экономической конкуренции, нас прежде всего интересует вопрос обмена правами собственности, т.е. осуществления транзакций². На схеме с помощью «замков» показано, что в ситуации анархии защита прав собственности является делом самих индивидов. Представители неоавстрийской традиции утверждают, что в таком случае конкуренция с помощью «предпринимательской бдительности» обеспечит наиболее эффективные способы защиты прав соб-

¹ Отметим, что на схеме, опять же, изображены «идеальные типы», которые в реальности могут комбинироваться.

² Можно говорить и о защите прав собственности, когда правомочия не передаются, однако в таком случае мы не сможем сделать выводы для экономической конкуренции, которая подразумевает осуществление избирательных транзакций.

ственности (Rothbard, 1970). Однако, как мы уже отмечали ранее, успех предприятия в изобретении способов защиты прав собственности не означает его успех в удовлетворении потребностей потребителей. То есть, в данном случае отбор игроков на рынке будет происходить сразу по двум критериям — способности защитить свою собственность и конкурентоспособности в деле удовлетворения спроса со стороны потребителей.

В случае порядка ограниченного доступа возникает более сложная ситуация. Часть транзакций защищена гарантом (внутри пунктирной области), а часть — нет (между двумя областями)¹. Здесь образуется прямое противоречие между экономической конкуренцией и политической конкуренцией². Обоим гарантам прав собственности важно сохранять *статус-кво* в распределении источников рент и потенциале насилия, чтобы не скатываться в «войну всех против всех» (Hirshleifer, 1995). Но если индивиды будут свободно выбирать себе контрагента, отбирая наиболее конкурентоспособных, то они неизбежно будут вытеснять часть других игроков в соперничестве за ограниченные ресурсы. Тогда произойдет перераспределение ресурсов, и нарушится *статус-кво*: это опасная ситуация для социального порядка, способная его дестабилизировать. Чтобы этого не допустить, члены элиты либо установят иерархические (или гибридные) механизмы управления транзакциями ради административного контроля за ними (Федоров, 2023), либо просто нарушат права собственности участников транзакции. В некотором смысле члены элиты в рассматриваемой ситуации даже не нарушают права собственности, поскольку, обладая наиболее специфическим активом (насилиям), фактически являются владельцами конечных прав и могут корректировать условия любых подконтрольных им сделок (Hart, 1995). Происходит сращивание политической власти и собственности, о чем и говорят авторы концепции «власти-собственности» в российской научной литературе. В данном случае конкуренция отбирает тех игроков, которые защищают интересы гаранта и успешно удовлетворяют спрос со стороны потребителей. Одновременно действуют оба критерия, поэтому в реальности в порядках ограниченного доступа экономическая конкуренция не исчезает полностью. Во многих случаях она сохраняется: теоретически это возможно в тех сферах, где: 1) элита не заинтересована в извлечении ренты в силу ее малых объемов, или значительных затрат на удержание административного контроля за «клиентелой»; 2) транзакции происходят внутри «клиентелы» одного га-

¹ Хорошая иллюстрация отношения элитных групп к защите прав собственности приведена в работе (Sonin, 2003): те индивиды, которые заинтересованы в сохранении *статус-кво* при распределении рент, будут выступать против верховенства права и выбирать частные инструменты защиты своих прав собственности.

² Ранее мы уже упоминали о том, что с противоречиями между политической и экономической конкуренцией согласны и представители неонавстрийской традиции (Mises, 1996).

ранта; 3) об избирательных транзакциях существует договоренность между членами элиты.

Предлагаемая схема также позволяет выявить и косвенные эффекты социального порядка ограниченного доступа на экономическую конкуренцию. Если конкуренция приводит к экономической эффективности, то одни «клиенты» могут в силу разных причин становятся экономически более развитыми, чем другие. Это также нарушит баланс в распределении потенциала насилия и станет угрозой для стабильности «естественного государства». Осознающие этот факт члены элиты могут препятствовать развитию экономической конкуренции внутри своей «клиенты». С другой стороны, учитывая прямой интерес участника элиты в увеличении рентных поступлений, такое поведение скорее будет являться исключением, чем правилом.

В порядке открытого доступа проблема насилия практически снимается. Правовой централизм обеспечивает защиту прав собственности для всех¹. Тогда теоретически игроки в процессе конкуренции отбираются только по способности удовлетворять потребности потребителей².

Теперь перед нами стоит задача эмпирической проверки заявленных тезисов. Вслед за традицией, начатой Дж. Б. Кларком (Clark, 2007), разделим экономическую конкуренцию на статическую и динамическую. Статическая означает невозможность влиять на общие условия товарного обращения. Динамическая конкуренция — это поиск новых ресурсов и новых способов использования старых ресурсов (Hayek, 1968).

Мы предлагаем оценивать интенсивность конкуренции «по ее плодам», т.е. по тем непосредственным эффектам, которые конкуренция должна оказывать. В случае статической конкуренции это означает оценку производственной (х-эффективность) и аллокативной эффективности. Это можно осуществить с помощью построения фронта. Динамическая же эффективность предполагает поиск новых решений — сам факт его наличия, т.е. способность игрока динамически адаптироваться к меняющимся условиям, является критерием эффективности. По имеющимся в нашем распоряжении данным проверку этого критерия можно реализовать с помощью модели дискретного выбора при вводе нового товара или процесса игроком на рынке.

Итак, мы выдвигаем следующие гипотезы для проверки³.

¹ Здесь мы характеризуем «идеальный тип» и не обсуждаем эффективность такого способа защиты прав собственности. В реальности, как уже было отмечено, альтернативные способы защиты могут сочетаться.

² Мы также опускаем проблему транзакционных издержек, не связанных с защитой прав собственности, и проблему асимметрии информации.

³ Ситуации анархии в эмпирической части исследования не представлены из-за редкости ситуаций анархии и связанного с этим обстоятельством отсутствия релевантных данных.

Гипотеза 1. В порядке ограниченного доступа участие игроков в экономической конкуренции как процессе будет тесно связано с тем, насколько защищенными они себя считают.

Гипотеза 2. В порядке открытого доступа защита прав собственности будет слабее коррелировать с динамической эффективностью, чем в порядке ограниченного доступа.

Гипотеза 3. Статическая эффективность в порядках ограниченного доступа в среднем выше (их рентабельность — ниже), чем в порядках открытого доступа.

В следующем разделе приводится описание данных и результаты эмпирической проверки гипотез.

Эмпирическое подтверждение гипотез на данных BEEPS

Проверка гипотез осуществлена на микроданных проекта ЕБРР «Business Environment and Enterprise Performance Survey» за 2018–2020 гг. (далее — BEEPS)¹. Микроданные содержат результаты опроса топ-менеджмента промышленных предприятий, проведенного ЕБРР в 2018–2020 гг. в 42 странах². К этим данным была добавлена бинарная переменная $Order \in [0;1]$, равная 1 в случае, если социальный порядок в стране не проходил пороговые условия порядка открытого доступа по результатам эмпирического исследования (Андреева и др., 2017). Так как не все страны из выборки BEEPS присутствовали в указанном эмпирическом исследовании, отсутствовавшие страны были классифицированы дополнительно: страны были отнесены к ближайшим группам по тем индексам, которые использованы в работе (Андреева и др., 2017). После очистки набора данных от пропущенных наблюдений и выбросов получены: 6610 наблюдений по предприятиям в порядках ограниченного доступа и 1456 наблюдений по предприятиям в порядках открытого доступа (итого — 8066 наблюдений).

Оценка статической конкуренции. При оценке статической конкуренции мы исходим из оценки «по результату» в строгом соответствии с неоклассической трактовкой: если ситуация конкурентна, то фирмы должны демонстрировать производственную и аллокативную эффективность. Измерить эти эффективности можно с помощью построения фронта. Для этого мы используем данные по объему продаж без НДС (*Sales*), затратам мате-

¹ BEEPS. URL: <https://www.beeeps-ebd.com/data/2018-2020/> (дата обращения: 10.04.2023).

² В выборку попали: Албания, Армения, Азербайджан, Белоруссия, Босния и Герцеговина, Болгария, Хорватия, Республика Кипр, Чехия, Египет, Эстония, Грузия, Греция, Венгрия, Италия, Иордания, Казахстан, непризнанная Республика Косово, Киргизия, Латвия, Ливан, Литва, Мальта, Молдавия, Монголия, Черногория, Марокко, Северная Македония, Польша, Португалия, Румыния, Россия, Сербия, Словакия, Словения, Таджикистан, Тунис, Турция, Украина, Узбекистан, Палестинская автономия.

риалов (*Materials*), затратам труда (*Labor*) и капитала (*Capital*) в денежном выражении (у.е.)¹. Был также добавлен множитель *Load*, показывающий загрузку основных фондов в %² (табл. 2).

Таблица 2

Описательная статистика для оценки фронта					
	Макс.	Мин.	Среднее	Медиана	Ст. отклон.
Sales, у.е.	21·10 ¹²	3·10 ³	4,4·10 ⁹	12·10 ⁶	237·10 ⁹
Materials, у.е.	2,5·10 ¹²	1,2·10 ³	1,2·10 ⁹	3·10 ⁶	34·10 ⁹
Labor, у.е.	50·10 ⁹	1,3 ·10 ³	110·10 ⁶	1,5·10 ⁶	1,2·10 ⁹
Capital, у.е.	2,5·10 ¹²	3	2,1·10 ⁹	5·10 ⁶	40,7·10 ⁹
Load, %	100	0	79	80	21

Источник: составлено автором.

Для начала фронт оценили с помощью обычного МНК через производственную функцию Кобба — Дугласа следующего вида:

$$\ln(Sales) = \alpha + Load + \alpha_1 \ln(Materials) + \alpha_2 \ln(Labor) + \alpha_3 \ln(Capital) + \varepsilon. \tag{1}$$

Результаты оценки параметров представлены в табл. 3. Однако эти оценки некорректны, поскольку не учтена проблема эндогенности: эффективные фирмы инвестируют больше труда, капитала и материалов в свою деятельность, из-за чего возникает двусторонняя причинно-следственная связь. Известны подходы, которые могут помочь справиться с этой проблемой эндогенности на основе параметрического моделирования (Olley, Pakes, 1996; Levinson, Petrin, 2003; Akerberg et al., 2015), однако одномоментный срез BEEPS не позволяет применить эти подходы.

Таблица 3

Коэффициенты фронта, полученные методом МНК	
	Dependent variable:
	ln(Sales)
ln(Materials)	0.468*** (0.008)

¹ Номера переменных в BEEPS: Sales — d2; Materials — сумма n2e, n2b и n2f; Labor — n2a; Capital — n7a. Чтобы при логарифмировании не потерять нулевые значения, к переменным прибавлено малое значение 1·10⁻⁹, которое дает совсем незначительное смещение, но при этом позволяет не терять наблюдения.

² Переменная f1 в BEEPS.

	Dependent variable:
	ln(Sales)
ln(Labor)	0.468*** (0.008)
ln(Capital)	0.033*** (0.005)
Load	0.004*** (0.0004)
Constant	1.684*** (0.065)
Observations	8,066
R ²	0.909
Adjusted R ²	0.909
Residual St. Error	0.841 (df = 8061)
F Statistic	20,229.020*** (df = 4; 8061)

Note: * $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$.

Источник: составлено автором.

В связи с обозначенными трудностями проблема эндогенности решена непараметрически: с помощью модели стохастического фронта (SFA). Стохастический фронт также оценивает коэффициенты производственной функции, например, вида Кобба — Дугласа. Однако этот метод оценки коэффициентов позволяет решить проблему эндогенности путем особого расчета случайных ошибок. Сущность метода заключается в разделении случайной ошибки на обычную ошибку с нормальным распределением v и распределенную полунормально ошибку u , связанную с особенностями фирмы (эффективностью) (Aigner et al., 1977; Meeusen, van Den Broek, 1977; Davis, Garces, 2010). То есть: $\varepsilon = v + u$. Таким образом, ошибки v остаются нормальными и независимыми, обладая нулевым математическим ожиданием, а ошибки u эквивалентны полунормальному отклонению фирм/игроков от фронта, связанному с их относительной эффективностью или неэффективностью. Коэффициенты в такой модели оцениваются методом максимального правдоподобия. В нашем случае распределение ошибки u задано как полунормальное. Результаты оценки приведены в табл. 4.

Коэффициенты фронта, полученные методом SFA

	Dependent variable:
	ln(Sales)
ln(Materials)	0.516*** (0.007)
ln(Labor)	0.439*** (0.008)
ln(Capital)	0.022*** (0.004)
Load	0.003*** (0.0004)
Constant	0.778*** (0.052)
Parameter in variance of u (one-sided error)	
Zu_(Intercept)	0.234*** (0.022)
Parameters in variance of v (two-sided error)	
Zv_(Intercept)	-1.962*** (0.033)
Observations	8,066
Opt. Method	BFGS maximization
Log likelihood	-9039.9
(Coelli, 1995) skewness test on OLS residuals M3T	73.58*** (> 5.41)
Average inefficiency E[u]	0.897
Average efficiency E[exp(-u)]	0.491

Note: * p < 0.1; ** p < 0.05; *** p < 0.01.

Источник: составлено автором.

Полученные оценки обладают высокой степенью значимости и очищены от эндогенности, о чем свидетельствует низкая корреляция между регрессорами и случайной ошибкой. Результаты построения SFA интересны тем, что ошибки u получались значимыми только когда полунормальное распределение прибавлялось, а не вычиталось (т.е. ошибки лежат «правее» оценок МНК) (рис. 2).

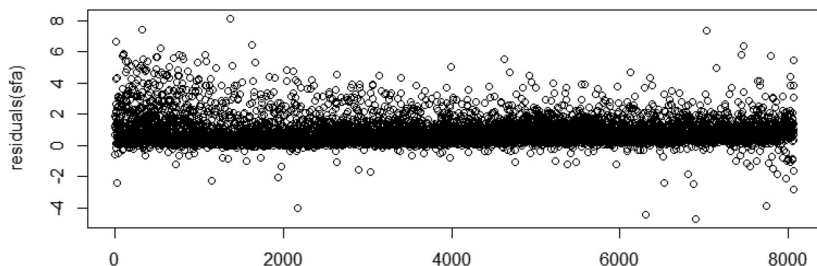

Рис. 2. Распределение ошибок в модели SFA

Источник: составлено автором.

Такое распределение ошибок означает, что более высокая рентабельность продаж фирмы является прокси ее неэффективности (а не наоборот). То есть норма эффективности — низкая рентабельность, а не высокая. Если мы руководствуемся статическим представлением об эффективности и ориентируемся на ситуацию совершенной конкуренции как эталон, то это действительно так. Если же для нас большая рентабельность фирмы означает ее лучшую способность удовлетворять спрос потребителей, то эти оценки будут означать для нас эффективность фирмы. Короче говоря, далее нас интересуют эти оценки, взятые по модулю, а интерпретация знака при них является вопросом к методологии неоклассической теории. Для дальнейшей проверки связи эффективности фирмы с социальным порядком мы лишь берем из этой модели метрику u и добавляем ее в набор данных как переменную *StaticEff*.

Оценка динамической конкуренции. Если мы интерпретируем экономическую конкуренцию как процесс поиска новых ресурсов или новых способов использования старых ресурсов (Наук, 1968), то логично использовать факт внедрения новых товаров или производственных процессов как прокси динамической конкуренции. В нашем случае этими прокси служат бинарные переменные *New Product* и *New Process* соответственно. Мы оцениваем для них пробит-регрессии, чтобы понять, как тот или иной фактор влияет на вероятность ввода фирмой нового продукта или процесса (т.е. на их участие в экономической конкуренции как процессе).

Помимо уже обозначенных переменных в регрессиях присутствует фактор *Court*¹ — ответ представителя фирмы на просьбу выразить степень согласия с утверждением «Судебная система честна, недискриминационна и некоррупционирована»: 1 — полностью не согласен, 2 — скорее не согласен, 3 — скорее согласен, 4 — полностью согласен. Этот параметр позволит нам определить экономических агентов, которые чувствуют себя защищенными в сложившемся социальном порядке. Мы предполагаем, что

¹ Переменная h7a в BEEPS. Ввод новых продуктов и процессов в выборке BEEPS соответственно — h1 и h5.

«защищенные» игроки из порядков ограниченного доступа довольствуются извлечением рент, пока другие фирмы, в большей степени готовые к динамическим изменениям, ограничены необходимостью конкурировать за выживание (обороняться от рисков, связанных с защитой прав собственности). Это напрямую следует из того, что в порядках ограниченного доступа не действуют постоянно неперсонифицированные организации: в порядке ограниченного доступа из-за отсутствия верховенства права необходимо находиться под патронажем, а патрон не заинтересован поддерживать динамические изменения с исходом, который не является известным заранее (чтобы сохранить *статус-кво* в договоре между элитами). Добавлено также пересечение переменной *Court* с бинарной *Order*. В качестве контроля добавлена переменная *Foreign Prop.*, которая означает долю иностранных собственников в фирме в % (табл. 5).

Таблица 5

Результаты оценки пробит-регрессий

	Dependent variable:	
	New Product	New Process
Order	0.456*** (0.102)	0.593*** (0.115)
StaticEff	-0.083*** (0.024)	-0.056** (0.027)
Sales	9.089e-13 (0.000)	1.070e-12** (0.000)
Foreign Prop.	0.003*** (0.001)	0.003*** (0.001)
Court	0.199*** (0.037)	0.199*** (0.040)
Court·Order	-0.342*** (0.041)	-0.371*** (0.045)
Constant	-0.743*** (0.091)	-1.232*** (0.102)
Observations	8,066	8,066
Log Likelihood	-4,515.744	-3,303.376
Akaike Inf. Crit.	9,045.489	6,620.753

Note: * $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$.

Источник: составлено автором.

Итак, все переменные оказывали значимое влияние на участие фирмы в процессе экономической конкуренции. Влияние статической эффек-

тивности фирмы на ее динамическую эффективность оказалось слабым, что свидетельствует о большой разнице в подходах к оценке эффективности фирмы в статике и динамике. Так, при средней оценке ошибки u в стохастическом фронтире в 0,234, в среднем при росте u на 1 вероятность введения нового продукта или процесса снижалась соответственно на 0,08 или 0,06. Таким образом, в среднем статически эффективные фирмы вводили новые продукты и процессы с вероятностью на 0,02 и 0,01 ниже, чем статически «неэффективные». По-видимому, способность фирм внедрять инновации (динамическая эффективность) не связана напрямую с их способностью обеспечивать производственную и аллокативную эффективность в статической ситуации. Размер фирмы и наличие иностранных собственников ожидаемо оказали позитивное влияние на вероятность ввода нового продукта и(или) процесса.

Наиболее интересные результаты получены при оценке других коэффициентов. **Гипотеза 1** о связи между защищенностью фирм в порядке ограниченного доступа с их динамической эффективностью подтверждена: коэффициенты при *Court:Order* в обеих регрессиях значимы и меньше коэффициентов при *Court*. **Гипотеза 2** о том, что указанная связь слабее в порядках открытого доступа, также подтверждена: коэффициенты при *Court:Order* в обеих регрессиях по модулю больше коэффициентов при *Court*.

В среднем готовность фирм в порядке ограниченного доступа вводить новые продукты и процессы оказалась намного выше, чем в порядках открытого доступа. Но следует обратить внимание, что этот эффект действует только для «обычных» фирм, без учета оценки ими существующего правового поля. Если фирма в порядке ограниченного доступа начинает позитивно оценивать социальный порядок с точки зрения верховенства права (т.е. ее оценки завышены), то она с меньшей вероятностью будет участвовать в конкурентном процессе. Дополнительное подтверждение этому тезису мы находим в корреляционной матрице (табл. 5).

Таблица 5

Коэффициенты корреляции между переменными

	Order	StaticEff	New Product	New Process
Order	1	0.14	−0.13	−0.10
StaticEff	0.14	1	−0.05	−0.03
New Product	−0.13	−0.05	1	0.38
New Process	−0.10	−0.03	0.38	1

Источник: составлено автором.

Как видно из табл. 5, совокупный эффект ограниченности социального порядка на динамическую конкуренцию без разделения этого эффекта с помощью переменной *Court* отрицателен. Только положительная

оценка сложившегося социального порядка становится той переменной, которая полностью «забирает на себя» весь негативный эффект социального порядка. Вместе с тем «незащищенные фирмы» в социальном порядке ограниченного доступа готовы вводить новые продукты и процессы даже в большем объеме, чем в порядках открытого доступа¹, но не могут это сделать. Это дополнительно демонстрируется положительной корреляцией между *Order* и *StaticEff*: в социальном порядке ограниченного доступа фирмы в целом статически более эффективны (т.е. менее рентабельны): они сохраняют *статус-кво* и не могут получить большую прибыль за счет лучшего удовлетворения потребностей потребителей² (подтверждена **Гипотеза 3**). Но, несмотря на низкую рентабельность, они же, по всей видимости, контролируют относительно большую долю рынка. Так, с помощью построения обычной линейной регрессии, где зависимой переменной являлась выручка на одного работника (*Sales/Labor*), а независимыми — *Court* и пересечение *Court:Order*, было оценено, что в среднем в порядке ограниченного доступа игроки, которых полностью удовлетворял сложившийся социальный порядок, в среднем получали +17% к объемам выручки в сравнении с теми, кого социальный порядок полностью не удовлетворял. В то же время в порядке открытого доступа тот же самый показатель не оказывал значимого эффекта.

Заключение

Проведенное эмпирическое исследование подтвердило три выдвинутые гипотезы. В социальном порядке ограниченного доступа устанавливаются дополнительные ограничения на экономическую конкуренцию в связи с тем, что фирмы вместо инвестирования ограниченных ресурсов в лучшее удовлетворение потребностей потребителей тратят эти ресурсы в изобретение способов защиты прав собственности. Этот эффект приводит к снижению производственной и аллокативной эффективности у предприятий в порядке ограниченного доступа. При этом эффект на экономическую конкуренцию как динамический процесс оказывается несколько по-иному: игроки, чувствующие защиту прав собственности со стороны государства в порядке ограниченного доступа, практически перестают участвовать в динамической конкуренции.

¹ Что связано с наличием большего потенциала внедрять в порядках ограниченного доступа те решения, которые уже реализованы в порядках открытого доступа, и извлекать из этого прибыль.

² Хотя именно у них со временем возможности для таких улучшений все больше. Пока в порядках открытого доступа уже вводятся новые продукты и процессы, в порядках ограниченного доступа соответственно копится количество нереализованных возможностей: растет потенциал извлечения прибыли. Именно поэтому при равной переменной *Court* вероятность внедрения нового продукта или процесса в социальном порядке ограниченного доступа выше.

Ограничения полученных результатов отчасти обусловлены особенностями используемых данных ВЕЕPS-2018: опросные данные не позволяют точно квантифицировать некоторые параметры производственной функции и проследить их динамику, что затрудняет использование более совершенных моделей для оценки эффективности фирм. Дополнительно следует отметить, что ограничения на полученные результаты могут накладывать предпосылки используемой производственной функции Кобба — Дугласа. Важно также понимать, что в статье оценивалась связь между экономической конкуренцией и институциональными факторами конституционного уровня институциональной системы, т.е. без учета влияния неформальных институтов.

Результаты исследования могут быть полезны при разработке мер конкурентной политики и объяснении феномена «регуляторного крена» в антимонопольной политике развивающихся стран. «Регуляторный крен» как избыточное вмешательство регулятора в права собственности, контролируемые экономическими агентами, может являться следствием особенностей социального порядка ограниченного доступа: становиться результатом стремления членов элитной группы защитить свои клиентские организации. Данная особенность социальных порядков ограниченного доступа должна учитываться при проектировании инструментов конкурентной политики, чтобы избежать дисфункции этих инструментов в странах с такими социальными порядками.

Список литературы

- Андреева, А. А., Ионкина, К. А., & Санишвили, Т. Т. (2017). Эмпирический подход к сравнению социальных порядков. *Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал*, (2), 51–71. <https://doi.org/10.38050/2078-3809-2017-9-2-51-71>
- Аузан, А., Дорошенко, М., Елисеев, А., Калягин, Г., Крючкова, П., Кудряшова, Е., Тамбовцев, В., Тутов, Л., & Шаститко, А. (2011) *Институциональная экономика: Новая институциональная экономическая теория* / под ред. А. А. Аузана. М.: ИНФРА-М.
- Баженов, Г. А. (2015). Власть и рынок в трактовке Мюррея Н. Ротбарда. *Вестник Ростовского государственного экономического университета РИНХ*, (49), 55–62.
- Васильев, Л. С. (2000). *Восток и Запад в истории. Альтернативные пути к цивилизации*: кол. монография. М.: Логос.
- Капелюшников, Р. И. (1990). *Экономическая теория прав собственности*. М.: ИМЭМО РАН.
- Нуреев, Р. М., & Латов, Ю. В. (2010). *Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития)*. Изд-во РГУ им. И. Канта.
- Плискевич, Н. М. (2008). Система «власть — собственность» в современной России. *Вопросы экономики*, (5), 119–126. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-5-119-126>
- Федоров, С. И. (2023). Влияние политической власти на модели отраслевой организации: институциональный подход. *Общественные науки и современность*, (1), 101–120. <https://doi.org/10.31857/S0869049923010070>

Шаститко, А. Е. (2022). Достоверность обязательств в контрактных отношениях: где пределы возможного?. *Управленец*, (2), 20–33. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2022-13-2-2>

Шаститко, А. Е. (2010). *Новая институциональная экономическая теория*. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС.

Acemoglu, D., & Robinson, J. A. (2012). *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. Crown.

Acemoglu, D., & Robinson, J. A. (2019). *The Narrow Corridor. States, Societies, and the Fate of Liberty*. Penguin Publishers.

Akerberg, D., Caves, K., & Frazer, G. (2015). Identification Properties of Recent Production Function Estimators. *Econometrica*, (6), 2411–2451. <https://doi.org/10.3982/ECTA13408>

Aigner, D. J., Lovell, C. A. K., & Schmidt, P. (1977). Formulation and estimation of stochastic frontier production functions. *Journal of Econometrics*, (6), 21–37. [https://doi.org/10.1016/0304-4076\(77\)90052-5](https://doi.org/10.1016/0304-4076(77)90052-5)

Akerlof, G. A. (1970). The Market for “Lemons”: Quality Uncertainty and the Market Mechanism. *The Quarterly Journal of Economics*, (3), 488–500. <https://doi.org/10.2307/1879431>

Arrow, K. J., & Debreu, G. (1954). Existence of an equilibrium for a competitive economy. *Econometrica*, (22), 265–290. <https://doi.org/10.2307/1907353>

Besley, T. (1995). Property Rights and Investment Incentives: Theory and Evidence from Ghana. *Journal of Political Economy*, (5), 903–937.

Clark, J. B. (2007) [1907]. *Essentials of economic theory*. Ludwig von Mises Institute.

Coase, R. H. (1960). The Problem of Social Cost. *The Journal of Law & Economics*, (3), 1–44.

Coelli, T. (1995). Estimators and hypothesis tests for a stochastic frontier function — a Monte-Carlo analysis. *Journal of Productivity Analysis*, (6), 247–268. <https://doi.org/10.1007/BF01076978>

Davis, P. J., & Garces, E. (2010). *Quantitative Techniques for Competition and Antitrust Analysis*. Princeton University Press.

Eggertsson, T. (1990). *Economic behavior and institutions*. Cambridge University Press.

Grossman, S. J., & Hart, O. (1986). The costs and benefits of ownership: A theory of vertical and lateral integration. *Journal of Political Economy*, (4), 691–719.

Grossman, H. I., & Kim, M. (1995). Swords or Plowshares? A Theory of the Security of Claims to Property. *Journal of Political Economy*, (6), 1275–1288.

Hart, O. (1995). *Firms, Contracts and Financial Structure*. Oxford University Press.

Hart, O., & Moore, J. (1990). Property rights and the nature of the firm. *Journal of Political Economy*, (6), 1119–1158.

Hayek, F. A. (1968). *Der Wettbewerb als Entdeckungsverfahren*. Bd. 56 N. F.

Hirshleifer, J. (1995). Anarchy and its breakdown. *Journal of Political Economy*, (1), 26–52.

Huerta de Soto, J. (2008). *The Theory of Dynamic Efficiency*. Routledge.

Kirzner, I. M. (1973). *Competition and entrepreneurship*. The University of Chicago Press.

Kroon, A. G., & Salerno, J. (Eds.) (2022). *The Austrian School of Economics in the 21st Century*. Cham: Springer Cham.

Levinson, J., & Petrin, A. (2003). Estimating production functions using inputs to control for unobservables. *Review of Economic Studies*, (70), 317–341.

McGuire, M. C., & Olson, M. Jr. (1996). The Economics of Autocracy and Majority Rule: The Invisible Hand and the Use of Force. *Journal of Economic Literature*, (1), 72–96.

Meeusen, W., & van Den Broek, J. (1977). Efficiency Estimation from Cobb-Douglas Production Functions with Composed Error. *International Economic Review*, (2), 435–444. <https://doi.org/10.2307/2525757>

Mises, L. (1996). *Human action: a Treatise on Economics*. 3th rev. ed. Yale University Press.

North, D. C., Wallis, J. J., & Weingast, B. R. (2009). *Violence and social orders: a conceptual framework of interpreting recorded human history*. Cambridge University Press.

Olley, S. G., & Pakes, A. (1996). The Dynamics of productivity in the telecommunications equipment industry. *Econometrica*, (64), 1263–1297. <https://doi.org/10.2307/2171831>

Rothbard, M. (1970). *Power and Market: Government and the Economy*. Ludwig von Mises Institute.

Skaperdas, S. (1992). Cooperation, Conflict and Power in the Absence of Property Rights. *American Economic Review*, (4), 720–739.

Sonin, K. (2003). Why the rich may favor poor protection of property rights. *Journal of Comparative Economics*, (31), 715–731. <https://doi.org/10.1016/j.jce.2003.09.005>

Stigler, G. (1966). *The Theory of Price*. Macmillan.

van Bavel, B., Ansink, E., & van Besouw, B. (2017). Understanding the economics of limited access orders: incentives, organizations and the chronology of developments. *Journal of Institutional Economics*, (13), 109–131. <https://doi.org/10.1017/S1744137416000254>

van Besouw, B., Ansink, E., & van Bavel, B. (2016). The economics of violence in natural states. *Journal of Economic Behaviour & Organization*, (132), 139–156. <https://doi.org/10.1016/j.jebo.2016.10.009>

Williamson, O. (1991). Comparative economic organization: the analysis of discrete structural alternatives. *Administrative Science Quarterly*, (2), 269–296. <https://doi.org/10.2307/2393356>

References

Andreeva, A., Ionkina, K., & Sanishvili, T. (2017). Empirical approach to the comparative analysis of social orders. *Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal*, (2), 51–71. <https://doi.org/10.38050/2078-3809-2017-9-2-51-71>

Auzan, A., Doroshenko, M., Eliseev, A., Kalyagin, G., Kryuchkova, P., Kudryashova, E., Tambovcev, V., Tutov, L., SHastitko, A. (2011) *Institucional'naya ekonomika: Novaya institucional'naya ekonomicheskaya teoriya / pod red. Auzan A.A. M.: INFRA-M*.

Bazshenov, G. A. (2015). Power and the market in the interpretation of Murray N. Rothbard. *Bulletin of the Rostov State Economic University RINH*, (49), 55–62.

Fedorov, S. I. (2023). The Influence of Political Power on Models of Industrial Organization: Institutional Approach. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*, (1), 101–120. <https://doi.org/10.31857/S0869049923010070>

Kapelyushnikov, R. I. (1990). *Property rights economics*. IMEMO RAS

Nureev, R. M., & Latov, Y. V. (2010). *Russia and Europe: the rut effect (the experience of the history of economic development institutional analysis)*. Publishing house of the Russian State University. I. Kant

Pliskevich, N. M. (2008). The System “power — property” in modern Russia. *Voprosy ekonomiki*, (5), 119–126. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2008-5-119-126>

Shastitko, A. E. (2010). *New institutional economics*. M.: Economic faculty of MSU, TEIS.

Shastitko, A. E. (2022). Reliability of obligations in contractual relations: where are the limits of what is possible? *Upravlenec*, (2), 20–33.

Vasilyev, L. S. (2000). *East and West in history. Alternative paths to civilization*. Logos, 96–114.